

Роман на городском фоне

Иван Рябчий

РОМАН НА ГОРОДСКОМ ФОНЕ

Томасу Кентукки — моему бельгийскому другу

Вообще-то найти хороший порносайт — проблема. Чёрт! Впрочем, что значит "хороший"? Бесплатный, что ли? Кто же тебе будет фотки бесплатно показывать, а? Да и вообще, зачем тебе порносайты, чувак? Возможны ведь и иные пути.

Да-а, как же, "иные пути". Легко сказать. Противно, знаешь ли, идти в какое-нибудь тщательно засекреченное местечко, где каждый выбирает себе подходящую задницу на ночь. В конце концов, ты же всю свою долбаную жизнь распинался насчет ума, интеллектуального превосходства, избранности, патрициев и плебеев — и после всего этого идти покупать мясо? Нет уж, увольте. Ты так мечтаешь о любви — а там ее нет и в помине. Скорее отчаянная похоть, телоотдача с безумной обреченностью в глазах.

Потому тебя так и привлекают порносайты. А еще сайты знакомств. Вообще инет. Здесь ты остаешься наедине со своим воображением. И похотью. Это безопасно и не имеет каких-либо дурацких моральных ограничений. Цензуры в инете не будет никогда. Ибо аморальность выгодна всем.

"Внимание! Этот сайт содержит материалы, которые могут негативно отразиться на Вашем душевном благополучии. Если вы считаете данную тематику аморальной, не переходите по ссылке. Если вы приемлете подобные материалы, кликните сюда". О-па, дорогуша, где ты видишь аморальность? Она обитает скорее в министерствах, собесах и вузах, чем в инете. Любовь не может быть безнравственной. Никогда. Даже если служит простому удовлетворению естественной потребности. Ты всегда кликаешь на ссылку. Вся твоя жизнь — переход по ссылке. Грёбанный гипертекст.

Утром он гуляет с котом. Идет крупный взлохмаченный снег. Он набивается в нос, рот, уши, за воротник. Толстый слой снега надежно скрывает продукты жизнедеятельности людей — кучи дерьма, разлетевшийся со свалки мусор, разбитые пивные бутылки, пакетики из-под орешков, раздавленные пачки сигарет. Выйдя из подъезда, он в нерешительности останавливается. Идти туда значит неизбежно вляпаться в какую-нибудь гадость. Он с болью смотрит на дорогие ботинки. Нет, пусть Оскар — кот — делает свои дела здесь, у подъезда. Все равно вокруг никого нет, да и кому до этого дело, а снег при этом быстро заметет следы.

Оскар осторожно переступает лапами в снегу, а он медленно вороочает непосильно-туманные мысли. Сегодня у Малого получка, придут его друзья, будут пить водку, курить. Надо будет куда-то свалить, но куда? Ему не к кому пойти. Он ко всем

испытывает отвращение. Достали. Пришлось отключить и мобильный, и домашний. А то звонят, зовут куда-то.

Оскар все сделал и с задумчивым видом плетется обратно. Флегматичный старый кот, найденный на свалке. Усы его, чуть заснеженные, уныло свисают. Глаза настороже — и все же в них сквозит непобедимая лень. Он подхватывает Оскара и входит в подъезд. Слава Богу, утренняя прогулка окончена.

Подъезд охватывает его теплыми миазмами мусора и нечистот. Тело непроизвольно вздрагивает. Он проводит свободной от кота рукой по волосам и вспоминает о Тиме. Вот к кому он пойдет. Тоже, конечно, фрукт. Но, в принципе, достаточно терпим для общения в реале. Поднявшись на этаж, он опускает Оскара и шарит в кармане в поисках ключей. Где-то выше воркуют голуби соседа...

Почему я живу с Малым? Живу уже целых четыре года. Господи, четыре года... Лет так надцать назад подобный срок совместного интимного пребывания показался бы мне нереальным. Просто фантастика. Мечтал о принце, а получил... нищего. Странно, но мне кажется, я до сих пор его люблю. Да, он слишком груб, слишком мужиковат, но есть все же в нем этакий незабываемый шарм недалекого мачо, способного на инстинктивную нежность, даже на преданность. И пусть надо мною подшучивают друзья — мол, Давид и Голиаф в одной постели, плевать. Я все равно его люблю.

Как же тряско в этой маршрутке! Мимо проносятся цветастые абракадабры граффити, югославские домики из пенопласта, фаллические торчки заводских труб — это город мой родной... Вот наконец и моя остановка. "Аврора". Так назывался когда-то кинотеатр, развалины которого можно лицезреть справа. Вокруг ширится мелкий бизнес в виде лотков и бабулек, а никем не приватизированная громада с двумя ржавыми грибами-кондиционерами на крыше величественно рушится, не желая "прогибаться под изменчивый мир".

Вываливаюсь из маршрутки. Пиликает мобильный. Тима прислал смс. "Жду тебя, котик. Готовлю". Интересно, что? Последний раз кормил меня какой-то постной гадостью из кришнаитского кафе. Потом меня тошнило всю ночь. Любви, естественно, не получилось. Перебегаю выщербленную временем, будто вынырнувшую из давней эпохи генсеков и первوماев дорогу. Начинается дождь. Люди спешат спрятаться под остановку. Вернее, под гибрид остановки с хлебным магазином. А что? Очень предприимчиво.

Тима очень падок на всякую сектантскую чушь. Видимо, оттуда же и его нетрадиционность. Живет он в частном доме за железнодорожным полотном. Терпеть не могу подобную местность во время дождя. Месить грязь — вещь не из приятных. Интересно, что он скажет, увидев меня? "Ну наконец-то, котик. Раздевайся". "Совсем?", спошлю я. Глупо это все.

Мешу грязь. Грязь — не глина, блюдца или вазы из нее не получится. Вспоминаю, что покойный дядя Тимы был гончаром. Все комнаты его дома уставлены керамикой. Иногда, когда с деньгами становится совсем туго, Тима что-нибудь продает. Я тоже

время от времени прихватываю какую-нибудь вещицу. Малый злится: мол, захламляю дом всякой ерундой. Он предпочитает постеры с качками и пирамиды дисков. Интересно, если он так припадает на качков, то зачем ему я? В одном Арнольде таких как я уместится где-то десяток.

Вот и дом Тимы. Желтый, двухэтажный, с просторной верандой, на которой так приятно понежиться голышом жарким летним вечерком, потягивая кальян и лаская друга. Вокруг дома — "сад Киото". Так Тима называет странный гибрид японского и европейского садов. Когда-то здесь было полно роз, пионов и сирени. Новый хозяин внес в сад существенные коррективы. Насажал странного вида кустарник, натыкал повсюду причудливых камней, кое-где поставил глиняных божков, сделанных дядей — и назвал эту химеру Киото. Каков сад, таков и садовник.

Вот он, мелькает в окошке. Мое тело непроизвольно предчувствует его. Уж очень он до него жажен. Снова трезвонит мобильник. Малый. "Ты где?" "Я в городе", отвечаю. "Питаюсь. А ты?" "Да ко мне тут друзья подвалили. Приезжай". Как же! "Ага", отвечаю. "Где-то часика через два". "Лады. Покедова". "Пока".

Мы могли бы сниматься для порно. Выйти на мировой уровень. Получить кучу престижных премий: Берлинале, Канны, Клермон-Ферран. Вместо этого мы возимся на раскладном диване и пытаемся поверить в то, что счастливы. Наше счастье хрупкое, ломкое, как первый осенний лед. Один неверный шаг и — клац! — побежали трещинки.

Мы входим в стадию экстаза. Странное дело — секс без любви. Похоже на медицинскую процедуру. Или визит в Диснейленд. Через час забывается. Мы неистово поглощаем друг друга, обмениваемся теплом и влагой. В один из пиковых моментов кто-то шепчет: "Пойдем покурим?", и мы, голые, задорно хохоча, посверкивая ягодицами, проходим на кухню, садимся друг напротив друга и начинаем курить. Дым сизым туманом плывет над столом, и наши глаза постепенно перестают различать сидящего напротив.

Покурив, мы возвращаемся обратно, на диван. Мы ни на йоту не отступаем от запланированного графика; начинаем точно с того, на чем остановились. И пусть весь мир подождет! Мы впиваемся друг в друга, кусаемся, кромсаемся, пинаемся, лижемся, постанываем. Искренне ли все это? Мы не знаем. На самом деле нам все равно. Мы не страдаем болезнью искренности. Возможно, потом нам будет плохо. Возможно, потом мы пожалеем об этой страсти. Возьмем все это в кавычки. Вытрем ластиком презрения. Возможно. А может, и нет.

Мы могли бы сниматься для порно. Мы комфортно ощущали бы себя в свете софитов, равнодушные к красоте. Но мы отчаянно стремимся к счастью и тужимся из последних сил...

Они — Коля, Рома, Артем и Малый — все еще сидели на кухне. Играли в карты, хотя были уже изрядно пьяны. Угар кисло щекотал ноздри, а нездоровый смех отбивал желание войти.

Они (за исключением Малого) были натуралами. Просто все вместе учились в бурсе, сдружились и не хотели менять привычки совместного времяпровождения. Они относились к Малому с легким недоумением, но, в общем, не порицали. Вместе ходили на рыбалку, в компьютерные клубы, вместе отмечали праздники и чинили поломки в компьютерах. У них были проблемы с женским полом — ну не давалась им эта стихия, хотя, если присмотреться, они были нормальными здоровыми парнями, даже в чем-то симпатичными. Каждый из них (кроме Малого) мог бы стать хорошим мужем — хозяйственным, любящим, не склонным к измене. Не склонными из-за лени.

Они были компьютерщиками — а это совершенно особая порода людей, чрезвычайно отличная от других. Иногда складывалось такое впечатление, что машина заменяет им все — от подруги до пищи. Не говоря уже о сне или личной гигиене. Они обитали там, внутри игр и программ, сливались с ними — по крайней мере, так казалось со стороны.

Хлопая картами и булькая пивом, они громко обсуждали чей-то мобильник. Хлопнула дверь. Они на мгновение замолчали, а потом с новой силой пустились в дискуссию. Это занимало их больше, чем что-либо иное. И пусть весь мир подождет!

Войдя в квартиру, по запаху и звукам я понял, что компания еще здесь и уходит пока не собирается. Я разулся и прошел в кабинет, включил компьютер и вошел в инет. Привычно затрещал винчестер. Я расслабился и стал проверять почту. До меня доносились смех и отрывки. Я встал и закрыл дверь. Толстая дубовая дверь с инкрустацией. Дорогая вещь. И совершенно звуконепроницаемая.

Итак, письма. Это от месье Олля из Лилля: "Дорогой Джош, сердечно благодарю Вас за высланные материалы..." Французы умеют быть вежливыми. Только вежливость у них какая-то однотипная, заученная. Ага, а вот и новые переводы. Будет чем заняться. Сообщения от коллег, путешествующих по Болгарии. Фотки из Софии. Потом посмотрю — сейчас расстраиваться не в кайф. Они там, а я здесь. Я здесь, а они там... Что это? Критика моего рассказа из Льежа. Скучища.

Интернет действительно затягивает, но осмысленно входишь в него лишь поначалу. Потом — бессознательная навигация. Зачастую я не знаю, зачем захожу на тот или иной сайт, для чего читаю глупые форумы и опросы.

Включаю музыку. Вернее, Винамп. Долго думаю, что могло бы быть подходящим фоном для меня и текущего момента моей жизни. Но, так как в музыке я полный профан, не нахожу ничего лучше, как врубить печально-агрессивный "Плацебо". В дверь робко стучат. Приглашаю войти. Заходит Рома. Он самый молодой из компании.

Я вижу, что он смущен и почти не пьян. Умеет, видимо, себя контролировать, — отмечаю про себя. Спрашиваю, в чем дело. Потом понимаю, что это где-то и в чем-то грубо и уже мягче извиняюсь за то, что не поздоровался сразу. Отмечаю, что он мнется и робеет — и это меня всемерно удивляет, ибо друзья Малого всегда казались мне отпетыми нахалами.

"Ну, как дела?"

"Лучше всех. А у тебя?"

"Нормально... Завтра снова на работу. Надоело".

(Он усмехается, и вокруг тонких, мягких губ расходятся волны неглубоких морщинок. Ямочки на щеках становятся глубже, а сами щеки слегка розовеют.)

"Почему надоело?"(Общаясь с ним, я одновременно читаю интервью Пояркова на каком-то сайте. Наивные параболы американского украинца смешат меня, и я чуть заметно улыбаюсь. Но он замечает.)

"Вот тебе смешно, а меня уже все достало. Мне бы дома сидеть, по инету зарабатывать. Знаешь, я ведь неплохо в этом разбираюсь".

"Да ну?"

(Пытаюсь выдавить из себя удивление. Перехожу на другой сайт, и тут машина мне выдает, что, мол, сервер не найден. Обновляю раз, другой — без толку.)

"Давай покажу".

"Да я и сам справлюсь, не стоит".

"Чего там, давай. Ты ведь все неправильно делаешь..."

(Он подсаживается ближе, так, что я почти слышу его пронизанное никотином и солодом дыхание. Его руки — тонкие, но грубые, с обгрызенными короткими ногтями, бегают по клавиатуре.)

"Вот... Надо так. Просто измени некоторые параметры. Тебе картинки нужны?"

"Ага. Часто просматриваю разные там фотогалереи".

"Понятно..."

(Он лукаво косится на меня. Его пальцы нервно скользят по клавиатуре, а язык облизывает нижнюю губу. Странно, я начинаю ощущать некое желание. Это после Тимы-то?)

"Получи фашист гранату! Вот! Теперь все будет окей. Вообще у них что-то с узлом. А Малый тебе что, не помогает?"

"А, его пока допросишься. Я привык полагаться только на себя".

"Хорошее качество..."

(И вновь неловкое молчание. Я не люблю чувствовать себя скованно. Искоса поглядываю на Рому. Неужели он? ... Не может быть.)

"Ну, ладно, пойду я".

"Ага..."

"Ты, это, если чего надо, обращайся. Мой номер есть у Малого в мобильнике".

"Лады".

"Ну, бывай".

"Пока".

(Уходит, оставив меня в нежном флёре подозрений.)

Алло, ты ведь не думаешь, что все так просто? Показалось, попытался — и в дамках? Нет, все гораздо сложнее. Сколько раз уже так было — казалось бы, Рубикон

перейден, вот-вот — и партия выиграна, получаешь главный приз, едешь в Баден-Баден и живешь, как принц Уэльский. Но нет... Что-то вечно ломается, что-то всегда не так. Ложь и нежелание понять. Трусость и поверхностность. Глупость и коварство. Да мало ли что еще!

Тебе шлют двусмысленные смс, и ты страдаешь. Отключить телефон? Увы, главное в твоей жизни — карьера, а какая карьера без телефона? Вот ты и обречен страдать, а ведь это всего один из целой гаммы досадных фактов твоей жизни.

Ты недоумеваешь? "Жизнь — штука несправедливая" (цитата из смс-эпистолы, которая повторяется с завидной периодичностью и всякий раз повергает в депрессию). Будь готов к этому заранее! Учись подличать, интриговать; точи ногти, зубы, клыки; изучи Макиавелли и Хаксли, йогу и пиар. Будь как все, но ощущай себя лучше и выше всех. Бычи каждого. Приноравливайся к вышестоящим. Это новый старый жанр. Старый, как мир. Как Бог. И главное — не верь в любовь.

Ее нет. Это болезненная иллюзия экзальтированных неудачников, бесполезных заучек. Разве они на нее способны — на то, что они идеализируют? Эти никчемные, тщедушные, прыщавые идеалисты — да кому они нужны? Всех интересует лишь ТЕЛО. А у них его нет. *La manque du corps*. И что дальше? Тупик, скажешь ты. Выхода, мол, нет. А вот и неправда. Живи дальше, наслаждайся собою, куй железо, пока горячо.

Когда он вышел на остановку, там было уже полно людей, безуспешно пытавшихся добраться до работы. Впрочем, ему было некогда спешить. Он пристроился в очередь на маршрутку и заскучал. Остановка торжественной трибуной возвышалась над площадью перед торговым центром. Площадь была абсолютно безлюдна. Казалось, что толпа серых кардиналов на трибуне принимала парад невидимых теней. Солнце кроваво проблескивало сквозь стальные ошметья облаков в слепяще-голубом небе.

Просигналила машина. Сначала он не обратил внимания. Мало ли кому там сигналят. Не ему уж точно. Но гудок повторился, а вслед за ним кто-то выкрикнул его имя. Он посмотрел. Синий "Ланос". Из него высовывается голова Ромы. Вот и транспорт пожаловал.

Он медленно подошел, сохраняя достоинство перед очередью. Провинциальная очередь — сгусток зависти и безразличия. Наклонился. Надеялся, что сейчас все они рассматривают его идеальные ягодицы, туго обтянутые темно-серой тканью джинсов. Вот бы постоять так подольше!

Он поинтересовался, куда едет Рома. В город, неопределенно ответил тот. Он сказал, что направляется туда же, хотя ему и не к спеху. О-кей, не хочешь — как хочешь, было сказано ему. Да ладно, якобы пошел на попятный он, поехали. Он запихнул себя на соседнее с Ромой сиденье, и мотор мягко заурчал.

Город проплывает мимо слякотным королевством. Наспех сбитые заборчики сменяются витыми чугунными оградами, за ними следует железобетонный заслон военной части. Солнце слепит, окончательно растворяя ледяные осколки туч.

Они мило беседуют. Со стороны их разговор может показаться достаточно странным. Недоговоренность — вот основной элемент этого дискурса.

Они улыбаются, и солнечный свет искрится на их ровных белых зубах. Улыбки чеширских котов. Оскалы ультарских кошек. Они так непохожи, но вместе смотрятся почти идеально.

Город множится, ветвится. Он холмится многоэтажками, трамваями, столбами. Вдали исполинским концлагерем дымят заводы. Больные птицы хило глотают воздух, испуская жалобные крики. Грязный заледепелый снег нехотя выпускает из своих цепких объятий чахлые черные деревья.

Они смеются. Их прямо трясет от смеха. Иногда их колени соприкасаются. Иногда сближаются их головы. Они включают музыку, и из колонок рвется приглушенное мяуканье местного радио. Их сущности стремятся к чему-то иному, но к чему — отчетливо осознает пока лишь один из них.

Город расширяется огромным шоссе. Вокруг печально распластались пустыри и товарные базы. Тарахтят электрички и товарняки. Проносятся длиннопелые фуры. Выхлопные газы мирно парят над мертвой землей.

Они вонзаются в мир своим желанием. И некому разубедить их...

Я всегда испытывал затруднения с натуралами. Их ко мне всегда тянуло.

Я был не против изменить и соблазнить кого-то из них. Они были не против изменений и секса.

Обычно это оканчивалось одинаково. Обычно я впадал в депрессию. Обычно я себя винил.

Винил моей жизни на время умолкал.

Я замолкал, как замолкали многие. Умолкали телефоны, имейлы; не приходила почта.

Я пил, как пьют многие. Многие мелькали, не оставляя после себя и следа. Мелькала бездушно равнодушная жизнь.

Все равно все станет на свои места. Мне бывало все равно. Равными частями распределялась тоска — изощренная инквизиция любви.

Я не мог быть собой — хотя никогда не был латентен. Не мог не выворачивать себя для других — того требовало Свыше.

Превыше всего была любовь — хотя окончательно мне этого никогда не признать. Ломались традиции и формы, нормы, каноны, законы, статьи — ради любви.

Принцы на белых конях, лимузинах, харлеях — валили огромными толпами к моей размалеванной яркой помадой калитке; я принимал их в неглиже, попивая кларет и листая "Wallpaper"; мое кружевное белье мгновенно возбуждало их усталые от романтики и феминизма тела; я вонзал в них умопомрачительные когти антигендера и терзал эту блаженствующую плоть; они глодали мои каблуки, целовали пояс моих чулок, гладили бретельки моего бюстгальтера...

Рому никогда ни к чему такому не тянуло. Он был обычным пацаном. Играл в "войнушки", потом в "Сони Плей Стейшн", потом в "Стар Квест". Ходил на бокс и тхеквондо. Любил поглазеть на прелести Бритни и Лары Крофт. Редко менял одежду, редко брился, редко чистил зубы.

Потом познакомился с Малым. Слухи о Малом его мало волновали. Даже совсем не волновали. Он был самым младшим в компании, главной его целью было научиться тому, что уже было известно старшим. Он играл с ними в карты, пил пиво и водку, ходил в компьютерные и ночные клубы, курил травку. Менялся.

Почти сразу после внедрения в компанию Малого Рома познакомился с Джошем. Слухи стали реальностью. Нельзя сказать, что его это потрясло. Просто он стал внимательнее присматриваться к Джошу. Что-то в нем было такое... Необычное. Инопланетное. Чужое. Ароматное.

Но Джош не проявлял ни к нему, ни к кому-либо другому в их компании никакого интереса. И почему-то Роме все больше и больше стало чего-то не хватать. Он загрустил. Забросил тхеквондо. Стал ходить по музыкальным и шмоточным магазинам. Снял все плакаты Бритни. Купил новые джинсы и много одноразовых носков. Зубы у него стали снежно-белыми, будто у голливудской звезды.

У Малого он появлялся чаще, чем остальные. Приходил всегда, когда Малый был дома. Но предварительно не звонил. Парадоксы случайности.

Мы сидели среди глиняных изваяний, и между нами уже не было того, что раньше. Искра не проскакивала. Было тепло — май месяц. Праздники. Длительный запой от языческого Первомая до тревожно-алого Дня Победы. Впрочем, последний давно уже хотят отменить.

Голова была полна глупых мыслей. Словно кто-то в ней похозяйничал, навел беспорядок — и, так все побросав, ушел. По-английски.

Хотя интим сохранялся, на самом деле между нами не было ничего. Только совместный смех, общий чай и усилие улыбок. Щедрая ложь, что, как бальзам, лечила наши души. Ах, эта ложь!

Каждый из нас думал о разном: кто-то о карьере, кто-то о любви; иногда о предательски вскочившем на шее прыще, иногда — о подскочивших ценах за проезд. Только не о своем партнере. Мы просто брали тело, брали удовольствие — чисто физиологическое, почти всегда взаимное — и расставались, словно перебежав прочерк в дневнике.

Мы не задумывались о будущем. Все наши мысли были все. "Жить одним лишь настоящим", — таким был наш девиз. И мы неукоснительно ему следовали. За нами пристально наблюдали глиняные уродцы с полок и чужие родственники с фотографий на стенах. Нам было все равно. Нас не смущали чужие взгляды.

В тот день я провел Малого на поезд и завалил с друзьями в привокзальный ресторан. Пил, ел, смеялся — не каждый день Малый уезжает на целый месяц. Потом

зазвонил мобильник. Я был уже достаточно пьян и не понял, с кем говорю. Договорился о встрече. Щелкнув мембраной телефона, потянулся за очередной порцией мартини. Но все бутылки были пусты. Пришло время расплачиваться...

Он ждал меня во внутреннем двореке торгового центра. Слева супермаркет, справа аптека, впереди фотоателье, сзади фаст-фуд. Цветы в кадках, люди в дубленках, девушки в сапожках. У меня в голове немного шумело, перед глазами стояли цветные круги — я узнал его, понял, что это он, лишь тогда, когда он ко мне подошел. "Привет", сказал я, икнув. В ответ он улыбнулся. Со мной кто-то поздоровался, я кивнул. В голове содрогнулись гигантские качели. Меня замутило. "Пойдем", потащил его за собой я. "Куда?", спросил он. "Ко мне, куда же еще..."

На улице меня встретила звездная и холодная ночь. В сторону Крыма уплыл Малый, его образ растворился среди скал, волн и дачных поселков. Я шагал, впитывая в себя свет звезд и чувствуя рядом биение родного сердца. Постепенно трезвел. Приходило понимание того, куда и зачем. Медленно, по кусочкам, кирпично-красная громада торгового центра исчезала в ночи.

Он безвольно стоял, прислонившись к мертвенно-бледной стене, пока тот, другой, возился с замком. Ни о чем не думал. Просто изучал разводы влаги на потолке. Наконец дверь открылась. Запах домашнего уюта повлек его внутрь темной квартиры. Тот, другой, не удосужился включить свет. Поэтому разуваться ему пришлось в темноте. За хозяином он прошел на кухню. Самовольно включил ночник. Слабый свет выхватил блестящую поверхность стола, суровую белизну холодильника, расчерченную химерами теней, посудные мегаполисы по углам. Откуда-то был извлечен чайник. Он сел и стал внимательно наблюдать за тем, другим. Он ждал. Ни о чем не думал. Просто изучал рельеф спины под футболкой. Потом тот, другой, обернулся и проник взглядом глубоко внутрь его души. Он увидел мягкие, на удивление добрые и грустные глаза. Глаза невинного ребенка. И пушистые ресницы, как у сказочной царевны. У него захватило дух. Тот, другой, подошел и погладил его по голове. Запустил пятерню в его волосы. Нагнулся и поцеловал его в лоб, потом в щеку, потом в губы. Засвистел чайник. Он закрыл глаза и слушал свист. Одновременно исчезли и свист, и рука из его волос. По кухне гулко зазвенели шаги. Заскрипела табуретка. Он открыл глаза.

Я слышу, как часто, встревожено бьется его сердце. Мои руки лежат на шелковистой коже его бедер, мои зубы терзают его нежную шею, выискивая мельчайшие жилки под тонкой, почти прозрачной кожей. Я чувствую, как он несмело касается своими руками моего тела, как его слегка разжатые губы скользят по моему плечу.

Я укладываю его на диван и ласкаю его тело. Сначала спускаюсь от шеи к бедрам, затем поднимаюсь от ступней к животу. Переворачиваю его на живот и начинаю целовать внутреннюю сторону бедер, проникаю языком глубоко внутрь. Словно сквозь сон слышу, как он стонет. Это стон нежного удовольствия, слегка удивленной радости.

Он поворачивает голову и смотрит на меня. Он не хочет пропустить ни одной детали. Я вижу, как увлажняются его глаза. Он плачет.

Я впервые участвую в подобном акте самораскрытия. Не помню, было ли что-то похожее со мной. Это случилось так давно... Первый раз — тот самый "первый раз"... Остались лишь обрывки воспоминаний — школьная раздевалка, замазанное краской окно, две низенькие узкие скамейки, широкий прохладный подоконник, ряд изуверченных поколениями оболтусов вешалок... Боль и восторг.

Неужели то же самое испытывает и он сейчас? Я проникаю в него, ненадолго одурманив свое сознание. Он бьется подо мной — от удовольствия или от боли? Его стоны теперь иные — откровенно, до неприличия страстные. Внутри он восхитителен, и я намеренно растягиваю удовольствие, вдыхая аромат его дрожащей кожи, впитывая выступающий соленый пот...

Особых изменений в жизни не последовало. Вернулся Малый. На вокзале мы крепко обнялись и поцеловались. Такой горячий и искренний вышел поцелуй. Со мною вместе пришел Рома — и ему пришлось на это смотреть. Мне казалось, что я слышу, как скрипят от ревности его зубы.

Целую неделю он не выкинул из нашей квартиры. Кажется, Малый уже начинал что-то подозревать, когда вдруг Рома исчез. Несколько дней мы с Малым переживали что-то вроде нового медового месяца. Но меня не отпускала мысль о Роме. Я опасался особо расспрашивать Малого или его друзей. Поэтому все шло своим чередом. Позвонил Тима — и мы вновь слились в тишине глиняного пантеона.

Однажды, гуляя по парку, я наткнулся на Рому. Он был не сам — с симпатичным, немного полноватым брюнетом, из-за чуть раскосых глаз и очень загорелой кожи похожим на индуса. Я поприветствовал их. "Индус" вопросительно взглянул на Рому. Тот улыбнулся и едва заметно покраснел. Представил нас. "Индуса" звали Эдиком, он работал санитаром в морге. Чудесная профессия... Я предложил пообщаться в кафе. Ближайшим заведением был ирландский паб. Мы сидели в полутьме, я смотрел в светло-сиреневые глаза Ромы и вспоминал совместно проведенный месяц. "Индус" Эдик безостановочно болтал, при этом настороженно поедая меня взглядом. Зазвонил мобильник. Малый звал меня ужинать. Соскучился за своим "котиком"...

А город рос и гнил. Росли торговые центры, множились цветочные базары и газетные ларьки, раздавались вширь загадочные своим предназначением стройплощадки.

Все больше и больше молодой крови вливалось в наши ряды. Голубой крови... И птицы пели уже не так — мягким, пушистым баритоном. Лето подходило к концу; жара давно обнажила тела и набила оскому на голую плоть. Хотелось снега, мехов и крашеной кожи.

В город входила Европа: не обрывали трубки у телефонных автоматов; стало меньше дорогих машин — они будто поделились на маленькие, двух— и трехдверные;

постепенно исчезали ямы с дорог и деревья с проспектов. Люди стали безразличнее к одежде и жаднее до любви.

Бурлила новая кровь...

Март 2005